

Могут нравиться блондинки, но живешь-то с брюнеткой...

Егор КОНЧАЛОВСКИЙ – один из самых востребованных российских режиссеров. И он это право заслужил, поставив добротный детективный триллер "Затворник", боевик "Антикиллер" и его продолжение, ставшие рекордсменами отечественного проката. И вот на экраны вышел "Побег" – еще один коммерчески успешный фильм молодого режиссера.

– С момента своего рождения вы были обречены жить с клеймом: сын знаменитого режиссера. Так что уж примите как неизбежность вопрос: как отец отнесся к "Побегу"?

– Хорошо. Лучше, во всяком случае, чем к "Антикиллеру-2". Он так и сказал: хорошо. А насчет "Антикиллера" он говорил, что это вредный фильм. По идеологическим причинам.

– Ваш фильм, который изначально замыслился как коммерческий проект, оправдал надежды продюсеров и стал одним из хитов. Но насколько самостоятельным вы были в этом проекте?

– Я был абсолютно самостоятельным – самостоятельней быть просто невозможно.

– Я задал этот вопрос потому, что на пресс-конференции, посвященной "Побегу", четко прозвучало, что идея сделать своего рода ремейк знаменитого "Беглеца" с Евгением Мироновым в роли "Форда" шла от продюсеров, что это они решили "очеловечить" боевик мелодраматической линией...

Е. Кончаловский

– Это не совсем так. "Очеловечивание" – это была моя идея, как мне кажется. Естественно, мы обсуждали ее, как и другие идеи, с продюсерами. Но на съемочной площадке и в монтажной продюсеры не появились ни разу. У нас с ними хорошие, доверительные отношения, они в меня верили и поэтому отдали мне проект на откуп.

– Насколько мне известно, вы подключились к проекту, когда сценарий был практически готов, на носу был съемочный период. К

тому же вы были поставлены в жесткие временные рамки. Тут уж не до новых сценарных идей?

– Когда меня пригласили, сценарий был очень, очень сырой. И он переделывался вплоть до первого съемочного дня. И в процессе съемок переделывался. Потому что новый вариант сценария тянул примерно на трехчасовой фильм. Приходилось все ужимать, переписывать отдельные сцены прямо на съемочной площадке.

– Что лично вы привнесли в этот сценарий?

– Появилась линия героя Андрея Смолыкова, у которого погибла жена. Появилась большая девочка – ее не было. Появилась линия с женой главного героя после ее смерти – она поддерживает его в критические минуты.

– И роли для вашей мамы, Натальи Аринбасаровой, разумеется, тоже не было?

– Я уже не помню, чья это идея, но усыновить ребенка, по-моему, собирались с самого начала – наши герои не могли иметь детей, и это создавало в начале фильма драматичную, конфликтную ситуацию. Сейчас трудно вспомнить, как это все рождалось, придумывалось. Вообще в фильме было очень много импровизации. До определенной степени это хорошо, до определенной степени это плохо. Иногда от этого фильм выигрывает, иногда – проигрывает.

– Весь фильм с момента, когда была зверски убита жена главного

героя, и до последних кадров, когда усыновленный мальчик, до того лишь мальком и очень давно видевший героя, проникновенно произносит: "Папа!" – меня не оставляло ощущение, что вы просто дурачите зрителей. Что вы снимали не ремейк "Беглеца", а пародию на "Беглеца" и вообще пародию на боевики-блокбастеры, пародию на триллеры, пародию на индийские мелодрамы...

– Тем хуже для вас – значит, вы просто не поняли картину.

– Мои ощущения, однако, возникли не на пустом месте. Если предыдущие ваши фильмы, и прежде всего "Затворник" и "Антикиллер", отличались строгой драматургией, то в "Побеге" драматургические накладки возникают чуть ли не каждым шагом. Вы, похоже, и не пытались объяснить, почему герои оказались в той или иной критической ситуации, – просто ставили их в эту ситуацию, в эти обстоятельства, и пусть они, мол, проявляют себя. Это что, недоработки сценария или так было задумано?

– Вы утверждаете какие-то вещи, которые являются абсолютно субъективными. Я, например, не считаю, что в фильме есть большие драматургические накладки. Я считаю, что драматургических накладок практически нет. Поэтому мне трудно отвечать на ваш вопрос – у меня мнение совершенно противоположное.

– Хорошо, возьмем одну из ключевых сцен – нападение на конвой в поезде, замечательно, кстати, снятую сцену. Как нападавшие – проститутка-малолетка и пожилая тетка – могли узнать, что именно в этом поезде повезут их родственника-рецидивиста, что этот поезд окажется именно в этом месте – на захудалом сибирском полустанке, и именно в это время, и именно в этом вагоне он будет находиться, что девушке удастся соблазнить одного из конвоиров и, проникнув в вагон, зарезать его, и что в этот самый момент будут нейтрализованы другие конвоиры? Чтобы спланировать и повернуть такую блестящую операцию – тут Оушен и его 12 друзей отдыхают...

– Так ведь операция провалилась – все погибли, какая же она блестящая?

– Возникают вопросы и по поводу того, как наш беглец вышел на тестя: нашел его зимовку. Да проше иглоку найти в стог сена... Бродил, бродил по тайге и вдруг ни с того ни с сего...

– А почему ни с того ни с сего? Он сколько ночей бежал? Он за эти дни мог и двести километров пробежать. Он мог знать, что именно так тестя живет. Вы это допускаете? Допускаете, что это был единственный человек, к кому наш герой мог обратиться за помощью?

– Но этот самый человек, если следовать логике фильма, был убежден, что именно герой Миронова зверски убил его дочь...

– Но человеку куда было идти. И он же в конце концов убедил тестя, что не он убийца. Знаете, в таком ключе разговор мне неинтересен. Я совершенно не хочу оправдываться и объяснять что да почему. Считаю, что в фильме все вполне логично складывается. И точка.

– Хорошо, давайте поговорим о другом. Вы делали кино, которое, на ваш взгляд, наш зритель будет смотреть с удовольствием. А сами-то вы делали это кино с удовольствием?

– С невероятным удовольствием. И Женя Миронов, да, думаю, и все остальные. У нас на съемках была прекрасная атмосфера.

– Вас лично не беспокоит такая тревожная, на мой взгляд, тенденция: в России растет спрос на кино облегченное, если не сказать примитивное? Чем это объяснить? Можно ли преодолеть эту тенденцию?

– В России растет спрос на кино коммерческое, а коммерческое кино и должно быть облегченным – это диктует рынок.

– Недавно вас попросили назвать фильм, который произвел на вас самое сильное впечатление за последнее время, и вы назвали проект Вима Вендерса "На десять минут старше" – кино экспериментальное, интересное, умное. А сами снимаете совершенно другое кино. Наступаете на горло собственной песне?

– Почему? Почему мне нельзя лю-

бить смотреть кино не для всех, а снимать коммерческое кино? И здесь нет никакого противоречия. В идеальном мире могут нравиться длинные блондинки, а живешь-то с толстозадой брюнеткой – и все прекрасно.

Я не считаю, что "Побег" или "Антикиллер-2" – облегченные картины. Наоборот – утяжеленные. Это не просто "стрелялки". Например, в "Антикиллере-2" я хотел показать два самых отвратительных явления, которые сейчас имеют место быть в нашей стране, – терроризм и фашизм. Как можно расценить, например, то, что в Питере девочку-таджичку забили насмерть железными прутьями. Это легкая тема? Или шахидки. Это легкая тема? И "Побег" утяжелен – для коммерческого фильма. В нем, на мой взгляд, слишком много экшна. Может быть, стоило усилить мелодраматическую линию.

– Я слышал, что вы взялись за "Побег", потому что в тот момент застопорилась работа над другим проектом. Что это за проект?

– Не то чтобы застопорилась – возникли проблемы с финансированием со стороны Министерства культуры. Все дело в том, что я люблю снимать не то люблю не снимать. И каждое лето, которое не снимаю, я считаю потерянными. В России так повелось, что снимают летом – зимой трудно. И тут очень кстати поступило предложение заняться "Побегом". А проект называется "Морфий" – по ранним рассказам Булгакова. Сценарий дав-

но написан – мы с одним французом написали. Когда-нибудь, может быть, и поставлю его.

– Почему "когда-нибудь"?

– Пришлось отложить проект года на два-три по той простой причине, что подписаны проекты на два других фильма. Один из них – политический детектив с английскими и немецкими продюсерами, действие происходит в Восточной Европе, а второй фильм – про викинг. Его будет делать моя студия с участием зарубежных продюсеров.

– Любопытно, как возникли эти проекты?

– На одном из крупных кинорынков зарубежные специалисты увидели "Антикиллер" и "Антикиллер-2" – я так понимаю. Мне прислали письмо по электронной почте, завязалась переписка.

– Эти проекты на горячей стадии?

– На горячей, но продюсеры первого фильма намерены несколько отодвинуть начало съемок, и это может послужить причиной определенных проблем, поскольку время съемок второго фильма уже оговорено.

– Опять, значит, лето зависит?

– В таком случае я буду снимать третью картину.

– Не "Побег-2"?

– Почти что.

Беседу вел
Геннадий БЕЛОСТОЦКИЙ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ